

Сидорова Г.П.

Материнство и отцовство в советской культуре 1960-1980-х: художественные образы и воспоминания

Аннотация: Предметом исследования являются материнство и отцовство в советском обществе и культуре 1960–1980-х между традицией и новацией, между идеологией и повседневностью: рассмотренные в аспекте столкновения ценностей традиционного и индустриального (социалистического) общества, столкновения социалистической идеологии с повседневностью, представленные в образах советского массового искусства и воспоминаниях. Используя в качестве основного источника культовые произведения советского массового искусства 1960–1980-х, дополняя их опубликованными воспоминаниями и личными воспоминаниями, автор предпринимает попытку проследить динамику этих социокультурных феноменов. Системный метод, метод исторической типологии, семиотический метод, сравнительно-исторический метод. Изучение материнства и отцовства через образы искусства выявляет коды, передающие особенности и динамику культуры. Это обусловлено тем, что искусство обладает способностью глубинного обобщения, выраженного в художественных образах, воздействующих одновременно на ум и сердце человека; способно целостно представлять человеческий мир. Основными выводами проведенного исследования являются: в советской социалистической культуре индустриального общества 1960-1980-х наряду с высочайшими техническими достижениями и утверждением рационализированных поведенческих практик, во многих сферах сохранялись черты традиционного общества. В советской социалистической культуре индустриального общества 1960-1980-х годов инновационная культура противоречиво соединялась со старыми и новыми формами традиционной культуры. Эта системная особенность обнаруживается в институте семьи, в ее репродуктивной и социализирующей функциях. В аксиологике субъекта культуры (человека и общества в целом) материнство и отцовство, взаимоотношения родителей и детей колебались между ценностями традиционного и инновационного общества. Кроме того, системный анализ показывает, что материнство и отцовство, взаимоотношения родителей и детей колебались между социалистической идеологией и повседневностью – «микроуровнем истории», жизненно-практическим пространством человека, наполненным конкретными вещами и событиями. Здесь наблюдается двойственность социокультурного феномена и двойственность его отражения в образах искусства.

Ключевые слова: Материнство, отцовство, советская культура, массовое искусство, художественные образы, воспоминания, традиция, новация, идеология, повседневность.

Review: The subject of the research is the images of motherhood and fatherhood in the Soviet society and culture of the 1960s – 1980s between traditions and innovations, ideology and everyday life. The images of motherhood and fatherhood are being viewed from the point of view of collisions between the traditional and industrial (socialist) societies, between the socialist ideology and everyday life as they are presented in the images of the Soviet popular art and memories about those times. By analyzing iconic pieces of the popular Soviet art of the 1960s – 1980s and completing her analysis with published remembrances and her own memories, the author of the article attempts to trace back the dynamics of these sociocultural phenomena. In her research Sidorova uses the systems method, historical classification method, semiotic method and comparative historical method. According to the author, analysis of motherhood and fatherhood through artistic images allows to discover codes transmitting peculiarities and dynamics of culture. This is due to the fact that art has a capability of the in-depth generalization which is expressed in artistic images affecting both our hearts and minds. Art can create an integral image of the human world. The main conclusions of the research are the following: the Soviet socialist culture of the industrial society in the 1960s – 1980s preserved features of the traditional society along with technological breakthroughs and rationalized behavior patterns. Innovation-oriented culture contradictory engaged old and new forms of traditional culture in the Soviet socialist culture of the industrial society of the 1960s – 1980s. The same

system's peculiarity can be found in the institution of the family and its reproductive and socializing functions. Being part of a cultural actor's axiological system (human and society in general), motherhood and fatherhood and parents-and-children relationships violated between traditional values and new values of the innovative society. Moreover, results of the systems analysis demonstrated that motherhood and fatherhood and parents-and-children relationships violated between socialist ideology and everyday life as the 'microlevel of life' and individual's actual living space filled with particular items and events. Here we can observe the duality of the sociocultural phenomenon and consequently the duality of its representation in artistic images.

Keywords: *Ideology, innovation, tradition, remembrances, images, popular art, Soviet culture, fatherhood, motherhood, daily occurrence, everyday life.*

Предметом исследования являются материнство и отцовство в советском обществе и культуре 1960–1980-х между традицией и новацией, между идеологией и повседневностью: рассмотренные в аспекте столкновения ценностей традиционного и индустриального (социалистического) общества, столкновения социалистической идеологии с повседневностью, представленные в образах советского массового искусства и воспоминаниях.

Изучение материнства и отцовства через образы искусства выявляет коды, передающие особенности и динамику культуры. Это обусловлено тем, что искусство обладает способностью глубинного обобщения, выраженного в художественных образах, воздействующих одновременно на ум и сердце человека. Автор статьи разделяет точку зрения М.С. Кагана, согласно которой искусство является «зеркалом» культуры, способно целостно представлять человеческий мир, многопланово отражать сознание общества и личности [1].

В качестве источника используются произведения советского массового искусства 1960–1980-х гг., в духовно-содержательном и морфологическом измерениях которого выделяется ряд культурно-исторических особенностей, главная из которых – двойственность создаваемой картины мира и места в нем человека. Двойственность в морфологическом измерении: выделялись виды и жанры искусства, прямо связанные с идеологией – песня и плакат. Наряду с ними были виды и жанры, прямо не связанные с идеологией и наиболее полно отобразившие советскую повседневность и особенности аксиологии ее субъекта: художественная литература, драматический театр, игровое кино, а также живопись [2]. Повседневность понимается как «микроуровень истории», жизненно-практическое пространство человека, наполненное конкретными вещами и событиями. В качестве источ-

ника также используются опубликованные и неопубликованные воспоминания.

Автором статьи анализировались преимущественно художественная литература и игровое кино. Для создания целостной картины изучаемого явления использовалось исследование Л.А. Грицай, в котором рассмотрены советские плакаты о родительском воспитании детей [3]. Хотя внимание Л.А. Грицай было сосредоточено преимущественно на плакатах 1920–1950-х годов и едва затронуло период 1960–1980-х годов, это исследование представляет интерес для сравнения и выявления жанровых особенностей отображения объекта.

Так, Л.А. Грицай заметила, что на советских плакатах сталинского времени и даже времени оттепели (1960) образ матери преобладает над образом отца. Этот феномен автор объясняет особенностью советского мировидения: советское государство, провозглашая борьбу с Богом, невольно отрицало и древнейший архетип «Небесного Отца». Таким образом архетип Отца-неба принижался или уничтожался, а архетип Матери-земли возвышался. Однако, указывая, что на плакатах 1960–1970-х гг. образ отца возвращается на свое законное место, и семью изображают с двумя родителями (В. Гаусман «Взаимное уважение в семье», 1965), Л.А. Грицай эту динамику никак не объясняет. Поэтому возникает вопрос: разве в 1960–1970-е изменилось советское мировидение и отрицание «Небесного отца»? Поэтому более убедительным представляется другое объяснение: во-первых, преобладание образа матери перед образом отца на плакатах послевоенного времени и в начале 1960-х можно объяснить последствиями огромных людских потерь во время Великой Отечественной войны. В этих условиях советская идеология не могла игнорировать психологию общества, пережившего страшную войну и показывать на плакатах полную семью. Женщина-вдова с детьми, которая больше не вышла замуж – типичный

образ художественной литературы и культовых фильмов времени «оттепели» (повесть М. Алексеева «Хлеб – имя существительное», х/ф «Женщины», «Застава Ильича» и др.). Во-вторых: в советском обществе материнство и отцовство колебались между ценностями традиционной и индустриальной культур. Забота о воспитании детей – одно из основных положений «Морального кодекса строителя коммунизма». Но *по традиции* заботу о детях продолжали считать преимущественно женской обязанностью. Как правило, лист нетрудоспособности по болезни ребенка брала мать. Кстати, в контексте равноправия и массового вовлечения женщин в общественное производство, при сохранении традиционно женской заботы о детях и домашнем хозяйстве, результатом стала их трудовая перегрузка.

При этом, как показывают произведения искусства и мемуары-воспоминания, в обществе с массовым устремлением к высшему образованию и интеллектуальному творческому труду традиционная *ценность и функция материнства/отцовства* столкнулась с ценностями индустриального общества – образованием, профессией и активным профессионально-творческим трудом. Так, по воспоминаниям Валентины Акуленко, бывшей советской учительницы, «почти все мое время доставалось школе. И не хватало моего материнского внимания сыну и дочери. Выручали мама и муж» [4, с. 71]. Столкновение ценностей семьи/материнства с ценностями образования и профессии подкрепляются личными воспоминаниями автора данной статьи о трудностях, которые пришлось пережить ее матери: будучи студенткой-заочницей Калужского педагогического института, мать перед началом сессии была вынуждена неоднократно отвозить маленького ребенка из военного городка в Оренбургской области (где служил отец, где семья жила и работала), к своим родственникам в Смоленскую область. Не только для матери, но и для ребенка в возрасте от девяти месяцев до неполных трех лет это были большие стрессы: малышка оставалась у практически незнакомых людей и очень тосковала. Кроме того, у матери сложилось устойчивое чувство вины, что вело к ошибкам в воспитании.

В произведениях искусства столкновение ценностей материнства и отцовства с ценностями профессионального творческого труда получило и комедийное, и драматическое воплощение. Лирическая кинокомедия В.

Азарова «Взрослые дети» (1961) рисует типичную ситуацию, когда молодые, увлеченные творческим трудом, супруги-архитекторы свое материнство и отцовство воспринимают как помеху профессиональной деятельности, а обязанности по уходу за младенцем полностью перекалдывают на бабушку и дедушку. Другая типичная ситуация, когда у молодых профессионалов с детьми нет бабушек/дедушек, драматично представлена в культовой повести Н. Баранской «Неделя как неделя» (1969): инженер НИИ – мать двоих малышей разрывается между профессией и домом с детьми. Вынужденная почти треть рабочего времени проводить с детьми на больничных, иногда чувствуя свою вину за недостаточное внимание к ним, все-таки с возмущением отказывается от предложения мужа временно уйти с работы, потому что профессиональная деятельность – «интересное», а дом и дети – «скукота».

Как справедливо заметила Л.А. Грицай, на советских плакатах прославляется мать-героиня. Плакат Н. Ватолиной «Слава матери-героине!» был создан в 1944 году и много лет использовался. Это идеология, а повседневность отражается в образах литературы и кино. Они показывают неоднозначное и противоречивое отношение советского общества к ценности многодетной семьи и матери-героини, декларируемым и институционализированным в СССР. Многодетная семья и мать-героиня занимали маргинальное положение в системе ценностей субъекта советской культуры. Эта особенность аксиологии человека и общества – часто иррациональной, интуитивной, рефлекторной – репрезентирована в повести В. Липатова «Деревенский детектив»: колхозники завистливо и недоброжелательно называют «аристократкой» не работающую в колхозе многодетную мать Глафиру Анискину, которую никто никогда не видел сидящей без дела. Вышедший на экраны в 1980-м году фильм Ю. Егорова «Однажды двадцать лет спустя» показал, что в системе ценностей советской культуры индустриального общества многодетная мать-домохозяйка по-прежнему занимает маргинальное положение. В образах фильма Ю. Егорова получили отражение типичные противоречия советской жизни 1970-х: декларируемое идеологией уважение к многодетной матери и повседневное безразличие к проблемам многодетной семьи, нередко – оскорбительное отношение со стороны общества.

В искусстве «семидесятых» появились типичные образы работающих женщин, пытающихся совместить работу и семью, но с результатом в пользу семьи. Сложился тип женщин, образом которых стала Вера Лавочкина в повести Г. Щербаковой «Вам и не снилось» (1979), для которых работа в общественном производстве – рутина и формальность, а муж и ребенок – абсолютные ценностные приоритеты.

В культовом фильме Г. Данелия/И. Таланкина «Сережа» (1960) по повести В. Пановой получила талантливое воплощение актуальная социальная проблема: возрастные роли личности ребенка в столкновении с традиционными стереотипами. Гость – дядя Петя глупо пошутил, угостив мальчика пустой конфетой, и шокированный мальчик спросил: «Дядя Петя, ты дурак?». Хотя мать (учительницу!) покорила глупая шутка гостя, она возмущенно требует извинений от сына, и, не дождавшись их, наказывает: «Целый день будешь сидеть дома». Вечером, обсуждая с мужем случившееся, она высказывает традиционную точку зрения: «Да разве можно допустить, чтобы ребенок критиковал взрослого?! Ребенок ДОЛЖЕН уважать взрослого, ОБЯЗАН уважать! У него даже мысли не должно возникнуть, что взрослый человек может быть олухом!».

В советском индустриальном обществе, где был высок престиж высшего образования и умственного труда, росло число так называемых «детоцентристских» семей: денежное обеспечение семьи было основной обязанностью отца, домашнее хозяйство почти полностью брала на себя, неся двойную нагрузку, работающая мать, а дети почти полностью освобождались от работы по дому, их основной обязанностью стала учеба. Обыденность такой ситуации отражена во многих текстах массового искусства 1960-70-х: в повестях Е. Рязановой «На пороге юности» и В. Аксенова «Звездный билет», в романе Ф. Абрамова «Дом», в художественных фильмах «Мама вышла замуж» В. Мельникова, «Мачеха» О. Бондарева и др. Государственной программой воспитания детей предусматривалось усиленное вовлечение детей в домашнее хозяйство. С этой целью в середине 1960-х был выпущен плакат Н. Вигилянкой и Ф. Кочелаева «Все умеем делать сами, помогаем нашей маме». Реальное же участие детей в домашнем хозяйстве получало отражение в пьесах и фильмах. Так, в фильме С. Герасимова «Дочки-матери» по сценарию А. Володина отец – преподава-

тель московского вуза выговаривает дочерям: «Я уверен, что эта девица, которая выросла в детском доме, знает, например, что после себя надо вымыть посуду и подмести! А вам надо тысячу раз напомнить и легче сделать самому!». В то же время, во второй половине 1960-х и начале 1970-х, во многих городских семьях интеллигенции в первом поколении старшие дети по традиции становились няньками младших сестер/братьев. Из личных воспоминаний автора данной статьи: нередко ребенку семилетнему на несколько часов могли доверить двухлетнего малыша.

На основе успехов государственной социальной политики, в массовом сознании советского индустриального общества постепенно утвердилось представление о том, что человека вырастили, воспитали и образовали «партия, народ и государство (школа)». Основы такого мировоззрения закладывались в 1930-е годы, когда образ государства сливался с образом вождя – Сталина. Это представлено в плакатах. Конечно, эта установка в массовом сознании сохранялась и позже – в 1960-80-е годы. Этой идеологической установкой дети иногда манипулировали в столкновениях с родителями.

Действительно, традиционная роль родителей в социализации детей, когда родители – основной источник знаний и навыков, стремительно снижалась. Если в традиционном обществе, в натуральном хозяйстве дети видели родителей в процессе повседневного труда и учились у них (что формировало родительский авторитет), то с утратой семьей производственной функции дети перестали видеть родителей в работе и учиться у них. Проблема формирования родительского авторитета усиливалась и сложившейся в годы сталинизма «практикой молчания». Об этом пишет один из авторов книги воспоминаний «Школа жизни»: «сведения об отношениях между людьми мы черпали в большей степени из литературы, нежели из разговоров со старшими...» [4, с. 39]. Это высказывание подтверждается воспоминаниями автора данной статьи о личных взаимоотношениях со своими родителями в начале 1970-х. «Практика молчания», а также высокое доверие родителей школьным учителям, которые в условиях занятости родителей общественным трудом (и заработком денег) стали играть главную роль в воспитании, нередко порождали несправедливые педагогические решения. Другой автор этой коллективной книги вспоминает: ее мать по-

лучила от классного руководителя искаженную информацию о происшедшем в школе на уроке; все объяснения дочери воспринимались враждебно-недоверчиво и оказались безуспешными: «Меня выпороли. За что – непонятно» [4, с. 239].

Хотя роль родителей в социализации детей снижалась, в 1960-е «оттепельные» годы в семьях молодой советской интеллигенции эта роль была еще высока. Татьяна Москвина в своем биоромане рассказывает о родителях-инженерах, игравших в самодеятельном театре, и двух приметах того времени, сформировавших ее систему ценностей: 1) родители не думали о деньгах, не стремились к ним; 2) обилие книг и журналов в семье [5].

В художественных произведениях получили отражение актуальные социальные проблемы «семидесятых». Образы-коды транслируют процесс снижения авторитета малообразованных родителей, критичное отношение молодежи к своим «простым» родителям, их «отсталым» эстетическим вкусам. Это убедительно представлено в фильме Т. Лиозновой «Три тополя на Плющихе» (1968). Неуважение дочери-школьницы («первой в классе», по словам ее отца) к матери-домохозяйке с 7-ю классами образования выражается в раздражении, с которым девочка включает на полную громкость радиоприемник, чтобы песней Мирей Матье заглушить голос матери, негромко напевающей народную песню... И в ее презрительном высказывании о способности матери, приткнувшись куда-нибудь в свободную минуту, заснуть от усталости: «Она и стоя уснет, как клуха!». Нет сочувствия к матери, которая недосыпая, выполняет всю работу по дому, создает детям и мужу комфортные условия... В фильме В. Мельникова «Мама вышла замуж» (1969) юноша с чувством превосходства отвечает малообразованному отчиму, что Экзюпери – не футболист, а летчик и писатель. В культовом телевизионном фильме «Цыган» («Возвращение Будулая») дочь Клавдии Нюра, выйдя замуж за офицера, при встрече на вокзале стесняется своей деревенской, несовременно одетой матери, боится того, что мать смешно выглядит перед главной гарнизонной дамой – женой начальника и испортит репутацию Нюры.

С развитием советского общества потребления, в новом аспекте предстала проблема родительского авторитета: амбициозные старшеклассники не уважают даже родителей с высшим образованием, если те не успешны – не

имеют ученых степеней, званий и наград, повышающих социальный статус и благосостояние, как показано в культовом фильме В. Меньшова «Розыгрыш» (1976). На вопрос одноклассницы: «А он кто?» (твой отец) юноша отвечает: «Да никто! В смысле – простой инженер».

В 1970-е годы советская идеология утверждала: в СССР сложилась новая историческая общность – советский народ.. Важной составной частью идеологической работы КПСС было воспитание советских людей в духе «Морального кодекса строителя коммунизма», включенного в Программу КПСС, принятую на XXII съезде (1961). Среди основных его принципов: коллективизм и товарищеская взаимопомощь, гуманные отношения и взаимное уважение между людьми, человек человеку – друг, товарищ и брат. Однако в 1970-е годы значительной и уже преобладающей частью субъекта советской культуры был не «строитель коммунизма», не «честный труженик», а «обыватель», чьи личные ценностные ориентации не совпадали с официальными и декларируемыми ценностями, в том числе, в отношении заботы о детях и воспитания детей. Эта особенность советской аксиологии нашла образное воплощение в произведениях искусства. Так, в повести сибирской писательницы М. Халфиной и снятом по повести культовом фильме «Мачеха» (1973, реж. О. Бондарев) получило отражение сохранение в советском обществе традиционной ксенофобии – неприязни к чужим (неродным) детям в ситуации, когда возникает необходимость принять их в семью. В фильме носителем ксенофобии выступает свекровь главной героини в блестящем исполнении актрисы Надежды Федосовой. Аксиология советского обывателя репрезентируется в повести И. Велембовской «Сладкая женщина» и в фильме В. Фетина, снятом на основе повести (1976). О сохранении в обществе ксенофобии косвенно говорит в диалоге со своей матерью Нюра, которая с ребенком от первого брака второй раз успешно вышла замуж за доброго, порядочного человека: «Ты еще, мам, не знаешь, как другие женщины со своими мужьями в этом вопросе мучаются. А мой Коля Юрочку хочет усыновить!» В фильмах 1970-х нередко звучит шаблон обывательского сознания, озвученный разведенной женщиной или матерью-одиночкой: «Кому я нужна с ребенком?!» (фильм А. Митты «Экипаж» и др.).

Выводы: российская культура, по странственной типологии – срединная (по-

граничная) – развивается стремительно, скачком. Отсюда – неизбежные искажения и *разлом* культуры. В советской социалистической культуре индустриального общества 1960-1980-х наряду с высочайшими техническими достижениями и утверждением рационализированных поведенческих практик, во многих сферах сохранялись черты традиционного общества. В этом смысле автор разделяет точку зрения историка А.С. Синявского, согласно которой российское общество оставалось традиционным на всем протяжении XX века [6]. В советской социалистической культуре индустриального общества 1960-1980-х гг. инновационная культура противоречиво соединялась со старыми и новыми формами традиционной культуры. Эта си-

стемная особенность обнаруживается в институте семьи, в ее репродуктивной и социализирующей функциях. В аксиологике субъекта культуры (человека и общества в целом) материнство и отцовство, взаимоотношения родителей и детей колебались между ценностями традиционного и инновационного общества. Кроме того, системный анализ показывает, что материнство и отцовство, взаимоотношения родителей и детей колебались между социалистической идеологией и повседневностью – «микроуровнем истории», жизненно-практическим пространством человека, наполненным конкретными вещами и событиями. Здесь наблюдается двойственность социокультурного феномена и двойственность его отражения в образах искусства.

Библиография:

1. Каган, М.С. *Философия культуры*. Санкт-Петербург, 1996. 416 с.
2. Сидорова Г.П. Советский тип хозяйственной культуры повседневности в массовом искусстве 1960-1980-х: ценностный аспект. Автореферат диссертации. СПб., 2013. 49 с.
3. Грицай Л.А. Советские плакаты о родительском воспитании детей как явление культуры // *Культура и образование*. Март 2014. № 3 URL: <http://vestnik-rzi.ru/2014/03/1413>
4. Быков Д. *Школа жизни. Честная книга*. М.: АСТ, 2015. 512 с.
5. Москвина Т.В. *Жизнь советской девушки*. Биороман. М.: АСТ, 2015. С. 30-31.
6. Синявский А.С. Трансформация российского общества в 19-20 вв. // *Человек и личность как предмет исторического исследования России*. Международный коллоквиум. Научные д-ды. СПб., 2010. С. 24-40.
7. Грицай Л.А. Идеальные представления и повседневная реальность детско-родительских взаимоотношений в культуре Древней Руси // *Педагогика и просвещение*. 2013. № 2. С. 142-150. DOI: 10.7256/2306-434X.2013.2.9226.
8. Жуковский В.И. Произведение искусства в эпицентре художественной культуры // *Философия и культура*. 2013. № 11. С. 1613-1620. DOI: 10.7256/1999-2793.2013.11.9845.
9. Сиземская И.Н. Проблемы образования в контексте отечественного философско-педагогического наследия // *Педагогика и просвещение*. 2012. № 3. С. 7-15.
10. Слезин А.А. Специфика политико-просветительской работы среди молодежи российской провинции в конце 1950-х годов // *Политика и Общество*. 2014. № 5. С. 598-606. DOI: 10.7256/1812-8696.2014.5.12219.

References (transliterated):

1. Kagan, M.S. *Filosofiya kul'tury*. Sankt-Peterburg, 1996. 416 s.
2. Sidorova G.P. *Sovetskii tip khozyaistvennoi kul'tury povsednevnosti v massovom iskusstve 1960-1980-kh: tsennostnyi aspekt*. Avtoreferat dissertatsii. SPb., 2013. 49 s.
3. Gritsai L.A. *Sovetskie plakaty o roditel'skom vospitanii detei kak yavlenie kul'tury* // *Kul'tura i obrazovanie*. Mart 2014. № 3 URL: <http://vestnik-rzi.ru/2014/03/1413>
4. Bykov D. *Shkola zhizni. Chestnaya kniga*. M.: AST, 2015. 512 s.
5. Moskvina T.V. *Zhizn' sovetskoi devushki*. Bioroman. M.: AST, 2015. S. 30-31.
6. Sinyavskii A.S. *Transformatsiya rossiiskogo obshchestva v 19-20 vv.* // *Chelovek i lichnost' kak predmet istoricheskogo issledovaniya Rossii*. Mezhdunarodnyi kollokvium. Nauchnye d-dy. SPb., 2010. S. 24-40.
7. Gritsai L.A. *Ideal'nye predstavleniya i povsednevnyaya real'nost' detsko-roditel'skikh vzaimootnoshenii v kul'ture Drevnei Rusi* // *Pedagogika i prosveshchenie*. 2013. № 2. С. 142-150. DOI: 10.7256/2306-434X.2013.2.9226.

Культура повседневности

8. Zhukovskii V.I. Proizvedenie iskusstva v epitsentre khudozhestvennoi kul'tury // *Filosofiya i kul'tura*. 2013. № 11. С. 1613-1620. DOI: 10.7256/1999-2793.2013.11.9845.
9. Sizemskaya I.N. Problemy obrazovaniya v kontekste otechestvennogo filosofsko-pedagogicheskogo naslediya // *Pedagogika i prosveshchenie*. 2012. № 3. С. 7-15.
10. Slezin A.A. Spetsifika politiko-prosvetitel'skoi raboty sredi molodezhi rossiiskoi provintsii v kontse 1950-kh godov // *Politika i Obshchestvo*. 2014. № 5. С. 598-606. DOI: 10.7256/1812-8696.2014.5.12219.